

Владимир Туниманов,
главный научный сотрудник Института Российской литературы
(Пушкинский Дом), доктор филологических наук

Доброе искусство Бориса Васильева

Послесловие в книге: Васильева Б. Л. «А зори здесь тихие... Не стреляйте в белых лебедей. В списках не значился» — Л. : Лениздат 1980.— 496 с.— (Библиотека Лениздата)

Борис Васильев пишет с 1954 года. Он был уже опытным, профессиональным литератором, автором пьес ("Офицеры", «Стучите и откроется», «Отчизна моя, Россия») и киносценариев («Очередной рейс», «Длинный день», «Сержанты»), когда в журнале «Юность» появилась небольшая повесть «А зори здесь тихие...» (1969). Ее успех и определил дальнейшую судьбу писателя. Васильев нашел свое место в литературе, обратившись к самым традиционным прозаическим жанрам — повести, роману, рассказу. Но в то же время он сохранил приверженность к театру и кино, что весьма ощутимо чувствуется почти во всех произведениях Васильева, и, может быть, особенно сильно в составивших эту книгу — в повести «А зори здесь тихие...», романах «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей». Закономерно, что все эти произведения Васильева обрели и другую, театральную жизнь. Запомнился спектакль «А зори здесь тихие...», поставленный Драматическим театром на Таганке. С большим успехом шел на отечественных и зарубежных экранах и одноименный фильм, сценарий которого написал Б. Васильев.

Со времени публикации повести «А зори здесь тихие...» прошло десять лет. Срок немалый. На страницах журналов «Юность» и «Новый мир» за это время были напечатаны новые романы, повести, несколько превосходных рассказов Васильева. Сегодня писателя уже никак не назовешь начинающим или автором одной вещи. И все-таки ни одно из произведений Васильева не встретило такого живого отклика, всенародного резонанса, как повесть «А зори здесь тихие...». Дело здесь не в том, что Васильев стал писать хуже и краски его таланта поблекли. Напротив, профессиональное мастерство писателя возросло, расширился и горизонт творчества: в последние годы Васильев работал над большим историческим романом о событиях русско-турецкой войны 1876 — 1877 годов — «Были и небыли» («Новый мир», 1977, № 8, 9; 1978, № 3, 4). Но, тем не менее, для большинства читателей Васильев в первую очередь автор повести «А зори здесь тихие...».

И это естественно — повесть покоряет удивительной чистотой нравственного чувства, проникновенным гуманизмом, потрясает и эмоционально «заражает» читателя, которого трудно, казалось бы, чем-то удивить, в том числе и новым талантливым произведением о суровых и героических . буднях Великой Отечественной. Она оказалась как-то очень

сродни интересам и размышлениям современников — и тем, которые хорошо знали, что такое война, и тем, кто уже родился в мирные пятидесятые годы.

Первые главы повести рисуют почти идиллическую картину мирного военного быта. Война где-то вдаль; здесь же, на 171-м разъезде, тишина и безделье. Патриархальным образом устроился превратившийся в «писателя» комендант разъезда старшина Васков. Прибытие на разъезд в распоряжение старшины девушек-зенитчиц еще более настраивает читателя на веселый лад. Складывается комическая, озорная ситуация — и Васильев щедро вводит в повествование юмористические штрихи, подшучивая над незадачливым и простодушным комендантом, тщетно пытающимся в сложившихся обстоятельствах действовать по уставу. Васкову, впрочем, не до смеха — его авторитет командира ежеминутно подвергается испытаниям, и все происходящее он склонен воспринимать как нелепый сон, неуместную и обидную шутку.

Васков, бесспорно, наиболее удавшийся герой произведения - его стержень и фундамент. Да и само повествование строится как своеобразный компромисс между словом героя и автора, причем голос Васкова — очевидца и хроникера — незаметно и органично сливается с авторским голосом. Последний как бы звучит за кадром, вдруг врываясь во внутренний монолог героя или откровенно прерывая его биографическими новеллами-вставками. Хотя Васков сначала фигура больше комическая, но его комизм особого рода, ситуативный, так как и в самом герое нет ничего смешного и могущего спровоцировать даже улыбку. Он - жертва обстоятельств, и жертва невинная. Получилось так, что весьма почтенные и обычные качества опытного служаки, придя в соприкосновение с новой, необычной и, по сути, полустатской средой, оказываются смешными и как бы ненужными.

Хмурому старшине Федоту Евграфовичу Васкову немногим более тридцати лет, но в глазах окружающих — и не только девушек, бойцов его отряда — он старичок, «пенек замшелый», «медведь глухоманный». Стариком чувствует себя и сам Васков, оглядываясь на прожитые годы. С четырнадцати лет он кормилец в семье. А в армии он уже давно, так что как будто никакой другой жизни, кроме армейской, не существует для Васкова, после семейной драмы и смерти сына он помрачнел, замкнулся, перестал улыбаться, но не озлобился на мир, не стал мизантропом и женоненавистником. В угрюмом старшине неисчерпаемый запас душевного тепла, вот только разглядеть эту «вторую» натуру Васкова нелегко, — жизнь его обожгла и серьезно потрепала, напоила горечью обид и утрат.

На первый взгляд Васков — заурядный, неинтересный человек, скучный и нелюдимый. Он — аккуратный исполнитель, чем и любезен начальству; с неба звезд не хватает и не собирается даже заниматься столь пустым занятием; карьера его не интересует, и внутренняя жизнь души как бы не существует, или, вернее, существует, но в пределах, дозволенных начальством и предусмотренных воинским уставом. *«Всю свою жизнь Федот Евграфович выполнял приказания. Выполнял буквально, быстро и с удовольствием, ибо в этом пунктуальном исполнении чужой воли видел весь смысл своего*

существования. Как исполнителя его ценило начальство, а большего от него и не требовалось. Он был передаточной шестерней огромного, заботливо отлаженного механизма: вертелся и вертел других, не заботясь о том, откуда началось это вращение, куда направлено и чем заканчивается».

Эти авторские суждения о герое не то чтобы неверны, они недостаточны. Васильев, чуждаясь патетики и удобных, но бессильных заполнить эстетическую пустоту, риторических фигур, избегая эффектных и, в то же время, бестактных экскурсий в душевный мир героя, показывает его в действии, где в чрезвычайной ситуации, в деле, раскрывается подлинное человеческое величие обыкновенного старшины «курортного» 171-го разезда. Там-то именно и обнаруживается, какой действительно редкий, удивительный «исполнитель» Васков, не потому, однако, что он все делает механически, согласно чужой воле, а напротив — как человек, безупречно овладевший сложным и всегда по-особому трудным искусством войны. *«Война — это ведь не просто, кто кого перестреляет. Война — это кто кого передумает. Устав для того и создан, чтобы голову тебе освободить, чтобы ты вдаль думать мог, по ту сторону, за противника»* — таков сформулированный одновременно от автора и героя один из вечных законов войны.

Нет, Васков не марионетка, и сравнение его с передаточной шестерней лишь отчасти справедливо и передает одну и, пожалуй, внешнюю сторону природы старшины. Васков — человек высокой ответственности, понимающий, какой огромной важности дело выпало на его долю, знающий, что от его действий тоже зависит судьба России, и черпающий силы в этой великой вере. Даже, точнее, не знающий, а всем существом чувствующий, так как одного знания тут мало. *«И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас ее последним сынком и защитником. И не было во всем мире больше никого — лишь он, враг да Россия».*

Васков с честью выполнил свой долг перед Родиной. Все, что в его силах, сделал он и для того, чтобы уберечь от смерти своих насмешливых юных красноармейцев, с которыми он за время опаснейшей военной экспедиции сросся душой и сердцем, исполняя и командирские и отцовские обязанности. Вот только тщетными оказались все его усилия, энергия, огромный жизненный опыт. Одна за другой гибнут девушки-зенитчицы. Гибнут и по своей вине, и по воле случая, царствующего на войне, и в обстоятельствах безнадежных, в которых уцелеть почти немислимо, равнозначно чуду. *«Они жили единой жизнью, но смерть у каждого была своя»*, — размышляет Васильев в романе «В списках не значился», и эти слова еще больше уместны в повести о старшине Васкове и пяти девушках-зенитчицах, где каждая смерть воспринимается не просто как утрата — как непоправимое, чудовищное и противоестественное событие. Ведь гибнут девушки, у которых еще только началась жизнь, рожденные для мира.

Сотрясается от ужаса и отвращения Женя Комелькова, убившая фашиста. Васков не вмешивается, не утешает, умудрено и тактично

безмолвствует, испытывая чувство горечи и сострадания, понимая, что происшедшее кошмарно, хотя нет тут ни малейшей вины ни его, ни девушки. *«Он не трогал Комелькову, не окликал, по себе зная, что первая рукопашная всегда ломает человека, преступив через естественный, как жизнь, закон — «не убий».* Тут привыкнуть надо, душой зачерстветь, и не такие бойцы, как Евгения, а здоровенные мужики тяжело и мучительно страдали, пока на новый лад перекраивалась их совесть. *А тут* ведь женщина по живой голове прикладом была, баба, мать будущая, в которой самой природой ненависть к убийству заложена».

Многое знает старшина. Знает и то, что не передать ему свое знание девушкам, к которым он просто не может относиться как командир к бойцам, поступившим в его распоряжение. Вот отчего, совсем не по уставу действует старшина, жалея, как малолетнего и перепуганного ребенка, Галю Четвертак, спасая ее от комсомольского суда. Поступок нелогичный и удивительный, так как совершает его обстрелянный и опытный солдат, знающий цену уступкам и «гуманным» порывам на войне, безукоризненный службист, для которого устав — закон. Не единственный, однако, закон, и пусть жалость и сострадание не спасли девушку и чуть не погубили старшину, явно ухудшили и без того тяжелое положение отряда — иначе он поступить не мог. Поэтому Васков не раскаивается в содеянном и сознательно говорит неправду, причисляя Галю Четвертак к погибшим храброй смертью товарищам. Святая ложь, и абсолютно понятно, почему Васков скрыл от оставшихся в живых (ненадолго!) истину. Он видит в Гале не бойца, а ребенка, которого он не смог уберечь,— еще одна маленькая ниточка *«в бесконечной пряже человечества, перерезанная ножом...»*. Еще одна сестричка. А Васкову все они равно дороги, и ответственность у него тяжкая, двойная — перед Родиной и вверенными ему дочерьми войны.

Этот много повидавший и испытывавший человек, привыкший к любым ситуациям на войне, горько обиженный в мирной жизни, в сущности, обособившийся и замкнувшийся, позабывший, что такое жизнерадостный смех и безнадежные слезы, бессильно плачет, впервые глубоко и лично осознав и прочувствовав всю чудовищную античеловечность войны. Ничего, кроме великого горя и сжигающей ненависти к врагам, не ощущает старшина Васков,— слишком большой ценой заплачено за победу. Наука ненависти, стократно усиленная наукой любви и неотделимая от нее.

Гуманистическое начало повести «А зори здесь тихие...», безусловно, самое главное и ценное в ней. Война здесь показана не с героической, а с обыденно-трагической стороны. Васильеву удалось создать яркие, запоминающиеся образы старшины Васкова и пяти бойцов его полувзвода. Безупречно вошли в ткань повести биографии девушек — своего рода некрологи, предшествующие их смерти. Психологический ряд повести искусно переплетен с событийным. С неослабевающим вниманием следишь за всеми подробностями необычайной военной операции. Повесть кажется написанной на едином

дыхании. Захватывает душевная и скорбная интонация, достигающая трагической кульминации и финале повести. И, пожалуй, только назидательный эпилог, прямолинейно устанавливающий связь времен, представляется излишним. Но, собственно, это уже не повесть, а небольшое прибавление к ней - невинная уступка вкусу читателя.

* * *

Роман «В списках не значился» — взволнованное и патетическое повествование о подвиге одного из защитников Брестской крепости. О героях Бреста написано немало, и, конечно, всем памятна талантливая документальная книга С. С. Смирнова. Роман Васильева также имеет документальную основу — писатель рассказал в эпилоге, из каких реальных брестских впечатлений возник замысел книги. Но реальные впечатления лишь фундамент романа. Быль здесь тесно переплелась с народной легендой о герое, имя которого — Николай и воинское звание — лейтенант, фамилия же осталась неизвестной. Роман написан в ином стилистическом ключе, чем повесть «А зори здесь тихие...», что вполне понятно и закономерно, так как его герой — личность легендарная, последний защитник так и не склонившей головы крепости.

Смерть героя — апофеоз свободы и бессмертия. Патетический финал — венок мужественному сыну непокоренной Родины, история, возведенная на уровень легенды.

Борис Васильев обычно предпочитает ситуации крайние, необыкновенные, на пороге жизни и смерти, мира и войны, сюжеты динамичные и усложненные, резкие психологические контрасты. Подготовка к действию, введение или экспозиция отличаются краткостью. Не исключение и роман «В списках не значился». О прошлом лейтенанта Плужникова сказано скупое и не без легкой иронии. Николай Плужников очень молод, и его эмоции и мечты, соответственно, очень молоды, как молодо и потому наивно, ясно, безоблачно отношение к жизни.

Война в один миг дочиста выветрила как прежние настроения, так и вполне понятное, естественное тщеславие молодого командира Красной Армии. Николаю очень скоро пришлось узнать, что командир он еще плохой, а его первые действия на войне совершенно справедливо квалифицируются как преступление, за которое по армейским законам полагается расстрел. Наступает время беспощадного суда над собой. Юный лейтенант Плужников умер в первый же день войны, сразу став человеком **без возраста**, молодость которого сгорела без остатка в страшном и **безжалостно** уничтожающем иллюзии огне. Плужников, сполна уже заплатив по счету войны, равнодушно отворачивается от своей **новой** командирской шинели, как от ушедшего прошлого. *«Он сидел на полу, не шевелясь, угрюмо думая, что совершил самое страшное — предал товарищей. Он не искал оправданий, не жалея себя — он стремился понять, почему это произошло. „Нет, я струсил не сейчас, — думал он. — Я струсил во вчерашней атаке. После нее я потерял себя, упустил*

из рук командование. Я думал о том, что буду рассказывать. Не о том, как буду воевать, а что буду рассказывать...».

Николай Плужников стал бойцом невидимой армии **ночных** мстителей Бреста — неуловимых и, казалось, заговоренных от смерти. «Израненные, опаленные, измотанные жаждой и боями скелеты в лохмотьях поднимались из-под кирпичей, **выползали** из подвалов и в иттыковых атаках уничтожали тех, кто **рисковал** остаться на ночь. И немцы боялись ночей».

Герои Бреста «умирали, не срамя», приближая в страшные первые месяцы войны очень тогда далекий день победы. Они знали, что обречены, но продолжали сражаться, бросая **вызов** смерти. Умирали непобежденными. «Человека нельзя **победить**, если он этого не хочет. Убить можно, а победить нельзя», — говорит Плужников. Эти слова — не красивая фраза, не **патетическая** декламация, они — героическая формула Брестской **эпопеи**, А также — пророческое предвидение лейтенантом Плужниковым собственной судьбы. «Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ».

Политрук, фельдшер, старшина Семишный, завещавший Плужникову перед смертью знамя полка, — звенья единой, прочной и вечной цепи. Николай с отчаянием кричит в первый день войны: «Пустите! Я в полк должен! В полк! Я же в списках еще не значусь!» Не суждено было Плужникову найти свой полк и быть зачисленным в списки. В апрельские дни 1942 года, после десяти месяцев немислимых испытаний, великих потерь и побед, он уже не думает ни о списках, ни о личной славе. Не сожалеет и о том, что его имя затеряется в бесконечном мартирологе безымянных героев, неизвестных солдат. «Он уже не ощущал своего «я», он ощущал нечто большее — свою личность... И спокойно сознавал, что никому и никогда не будет важно, как именно знали эту личность, где и как она жила, кого любила и как погибла. Важным было одно — важным было, что звено, связывающее прошлое и будущее в единую цепь времени, было прочным».

Лейтенант Николай Плужников имел высшее, подвигом данное право так думать. Но в одном он ошибся — потомкам вовсе не безразлично, как жили и как погибли героические защитники Родины.

Последние месяцы жизни лейтенанта Плужникова — каждодневный подвиг человека, продолжающего сражаться несмотря ни на что, в одиночку. Героическая эпопея, символизирующая великую нравственную победу советского воина.

* * *

Роман «Не стреляйте в белых лебедей» — одна из частей своеобразной трилогии Б. Васильева о современной жизни; ему предшествовали повести «Иванов катер» и «Самый последний день». Повести и роман объединяет одна общая главная тема — извечный конфликт между силами добра и зла, но повернутый различными сторонами, исследованный в разных плоскостях и ситуациях. Конфликт выявлен резко, без полутонов и коварных

психологических сложностей. Прямо и по всем пунктам противопоставлены полярные мироощущения и нравственные позиции, персонифицированные и четко психологически разграниченные: Иван Трофимович и Сергей Прасолов («Иванов катер»), Ковалев и Валера («Самый последний день»), Егор Полушкин и Федор Бурьянов («Не стреляйте в белых лебедей»). Везде «вопрос совести» равнозначен «вопросу жизни», контраст доведен до предела, до последней черты, мир и компромисс исключены.

Егор Полушкин, о мытарствах, поражениях, победах и трагической смерти которого с любовью и трепетом рассказал Васильев в романе «Не стреляйте в белых лебедей», психологически и нравственно близок Ивану Трофимовичу и Ковалеву. Правдоискатель и поэт, теснейшими узами связанный с родной **почвой**, Егор — неудачник и бедолага, блаженный и юродивый **в глазах** большинства своих земляков. Природная деликатность, нравственная чистота Егора не находят отклика в окружающей среде. *«Он всегда жил тихо и застенчиво: все озирался, не мешает ли кому, не застит ли солнышко, не путается ли в ногах. За это бы от всей души спасибо ему сказать, но спасибо никто ему не говорил. Никто»*. Парадоксально, но именно открытый, мягкий, поэтичный характер Егора — источник всех его несчастий и неудач. Он живет по законам сердца и совести, воспринимая мир эстетически и по-своему исключительно глубоко. Никакого раздвоения личности: Егор цельный и, несомненно, духовно сильный человек, абсолютно ясный, безукоризненно честный и искренний. *«Егор был единым, потому что всегда оставался самим собой. Он не умел и не пытался казаться иным — не лучше, не хуже. И поступал не по соображениям ума, не с прицелом, не для одобрения свыше, а так, как велела совесть»*.

Воинственное противопоставление духовного и рационального, прозаического и поэтического, ума и совести, альтруизма и хищничества, свойственное всем произведениям Васильева о послевоенной жизни, достигает кульминации в романе «Не стреляйте в белых лебедей». Борьба сил добра и зла здесь символически подчеркнута, переведена в предсмертном сне героя в мифологическую плоскость. *«А Егор опять закрыл глаза, и опять мир широко раздвинулся перед ним, и Егор перешагнул боль, печаль и тоску. И увидел мокрый от росы луг и красного коня на этом лугу. И конь узнал его и заржал призывно, приглашая сесть и скакать туда, где идет нескончаемый бой и где черная **тварь**, извиваясь, все еще изрыгает зло»*.

Так состоялось во сне превращение Егора-бедоносца в **Георгия Победоносца**. **И** хотя это сон и ни в какой бой Егору уже **не** придется скакать, дело правдоискателя и поэта не осталось **без** надежных и стойких последователей. Живет память в народе о Егоре Полушкине. Никогда не забыть ни заветов отца, ни его трагической смерти сыну Коле. Так входит в роман **старинная** тема русской классической литературы — «отцов и детей».

Противостоят — и непримиримо — не только герои, **но и** семьи, различные, если так можно выразиться, **генетические** традиции. Достойного преемника взрастил и Федор **Ипатович** Бурьянов — сына Вовку, отрока с хищническими и садистскими наклонностями, по всем статьям антипода

«чистоглазого» **Коли**. Потребительская философия жизни Бурьяновых проста и однозначна, пронизана мелочным рациональным практицизмом, холодной жестокостью. Бурьянов расправляется с Егором с такой же звериной бесчувственностью, с какой он методично избавляется от состарившихся собак. Слезы Бурьянова после встречи с умирающим Егором — скорее всего чистейший акт лицедейства. Во всяком случае, ни в каком исправлении и нравственном преображении приобретателя и убийцы не может быть и речи. Васильев четко выдерживает психологический рисунок характера Бурьянова, вскользь упоминая в эпилоге, что Пальму, несмотря на просьбу Егора, все-таки Федор Ипатович пристрелил. Не мог не пристрелить. Слишком ненавистна стала Бурьянову собака — зловещим напоминанием о совершенном им преступлении.

В сущности, Бурьянов примитивен, в чем, кстати, его сила и необыкновенная живучесть. Его обыденный, расчетливый цинизм не нуждается в демагогической защите, в риторических завитушках. Он — человек "дела", и нажива является единственной и естественной целью — равно и причиной — всех его преступных действий. Другое дело — внутренний мир Егора-бедоносца. Многократно берет слово автор, защищая героя, разъяняя его духовную суть. Сердцевиной романа стали философско-лирические монологи Егора. Поэтому просто невозможно поверить автору, утверждающему, что Полушкину «слов сроду не хватало: видно, при рождении обделили», тем более, что после этих слов «поэт» и «сказитель» увлеченно рассуждает о земле-матушке, лесе-батюшке, речке-сестричке, травке-муравке, солнышке и мягком дождичке, заключая монолог апофегмой: *«Для радости да для веселия души человек труд свой производить должен».*

Речи Егора о труде, природе, условиях человеческого существования дороги и близки автору, совпадают с его мироощущением, чем, видимо, и объясняется то, что писатель забыл о косноязычии, «обделенности» словом героя. Он им, напротив, наделен, и с избытком.

Слово Егора — заветное, мудрое. Оно как бы парит над повествованием, главенствуя над другими словами, и энергично утверждается.

Непрактичность Егора, атрофия пресловутых «деловых» качеств много раз иллюстрируются эпизодами из жизни «бедоносца» — комическими и драматическими. У Егора Полушкина постоянные нелады с трудовой деятельностью, презрительно комментируемые хорошим добытчиком и хозяином Бурьяновым, дающим ему бесполезные житейские советы. Не понимает Егора и Яков Сазанов, убежденный, что всегда надо поступать «как положено», как общепринято, не вольнодумствуя, не фантазируя и не выделяясь. С точки зрения Сазанова, Егор — личность подозрительная, никчемная. Уважительно к нему он не может относиться, — ведь общественная репутация Егора весьма незавидна. Но у Егора есть отдушина — сын. К нему и обращена его педагогическая, исповедальная речь о работе: *«По сердцу она — человек горы свернет. А уж коли так-то, за ради хлебушка, то и не липнет она к рукам-то. Не дается, сынок, утекает куда-то. И руки тогда — как крюки, и голова - это пустой чугунок. И не дай тебе господи,*

сын, в месте своем ошибиться. Поэтому место все определяет для сердца-то. А я тут, видать, не к месту пришелся: не лежит душа, топорищится... И выходит, Коля, выходит, что я себя маленько потерял. И как найти — не удумаю, не умыслю. Никак не удумаю — вот главное. А что смеются, так пусть себе смеются в полное здравие. На людей, сынок, обижаться не надо. Последнее это дело — на людей обиду держать. Самое последнее».

В словах Егора остро звучит многолетняя грусть человека, которому не удалось найти своего места в жизни, работы по душе. Он понимает, что тут есть доля и его вины, что грех взваливать на других ответственность за неустроенную и нелепо сложившуюся жизнь, обижаться на насмешки людей. И, безусловно, прав, исповедуясь перед сыном, мягко предостерегая его — молодого и горячего, болезненно переживающего обидный, колющий людской смех. Сын жалеет отца, чутким сердцем ловит его слова, но не может примириться с таким фаталистическим приятием жизни. Юродство отца, унизившего себя и жестоко, прилюдно оскорбившего его, болезненно сказалось на их отношениях. Отчаявшийся Егор Полушкин, кажется, окончательно сломился. Он порывает последние — общественные и семейные — связи: *«Егор поставил жирный крест на всех работах разом. Перестал он верить в собственное везенье, в труд свой и в свои возможности, перестал биться и за себя и за семью».*

Фактически от самоубийства спасли Егора хорошие люди — лесничий Юрий Петрович Чувалов и учительница Нонна Юрьевна. Люди они, что и говорить, чуткие и добрые, но, пожалуй, и самые бесцветные герои романа. Они появляются, чтобы помочь Егору обрести утраченную веру в себя, а он в свой черед выступает их доброхотным сватом и, так сказать, крестным отцом. Они исчезают после преобразования героя. Похоже, что автор и удалил их для того, чтобы создать идеальные условия для трагической смерти Егора, гибнущего на посту, как положено «старшему сыну» природы, защищая дело всей жизни, о котором он просто и задушевно говорил на столичном совещании: *«А природа, она все куда терпит. Она молчком умирает, долголетно. И никакой человек не царь ей, природе-то. Не царь, вредно это — царем-то зваться. Сын он ее, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб маменьку».* Егор с болью видит неблагополучие, трагедию края, он душой страдает, замечая на каждом шагу, как оторвался человек от родной природы, в каких неестественных и враждебных отношениях находится с ней. И еще — Егор знает, что надо делать. Не только знает, но и делает, оберегая и приближая природу к людям, так как глубоко уверен, что бессмысленна и пуста жизнь без поэзии, красоты, радости. Егору свойственно — и было бы данью наивному утилитаризму осуждать или превозносить его за это — уникальное, идущее от природы отвращение к насилию, несправедливости, фальши, ячеству. Он поразительно чуток, деликатен и более всего, как и Иван Трофимович Бурлаков, боится как-либо обидеть людей. Егор — человек тихий: все грубое, резкое, бестактное ему претит, и в жизни он главным образом ценит «спокой» и благодать. Он вовсе не боец и воитель, больше склонен к самоуничтожению и самоустранению, немного фаталист — в том

смысле, что никого не осуждает и не винит. Естественно, что Егор прощает убийцу, но прощает как человек, наделенный большой силой, подающий милостыню слабому и презренному существу. *«Не знал бы — казнил... А знаю — и милую»*, — говорит он перед смертью.

Егор встречает смерть с улыбкой, радуясь тому, что не затаил ни на кого зла в душе, спокойно, как человек, которому не в чем себя упрекнуть, а потому — счастливец. *«И, улыбаясь так, он как-то очень просто, тихо подумал, что прожил свою жизнь в добре, что никого не обидел и что помереть ему будет легко. Совсем легко — как уснуть»*. Еще лет двадцать назад иной читатель или критик возмутился бы, привел афоризм о добре с кулаками и, может быть, даже воскликнул, что именно такие вот блаженные Егоры, милующие своих врагов, и составляют идеальную среду для Бурьяновых. Вряд ли, однако, так вскинется современный читатель, умудренный опытом и хорошо знающий, с какой легкостью перерождается порой добро, вооруженное кулаками, в разновидность зла, как сложно перепутано все в жизни человеческого общества и — особенно — как велика цена даже единичного, но истинно доброго дела. Ну а помимо этого существует логика характера, и согласно ей Егор не мог не простить Бурьянова. Иначе ведь он перестал бы быть Егором. Васильев убедительно и сильно завершил роман. Вот тут бы следовало поставить точку. Но, видно, таков уж фатум писателя, непременно заключающего произведение прямым авторским послесловием. На этот раз Васильев перенес читателя в городскую квартиру, украшенную шедевром Егора, вокруг которого осторожно обносит свой большой живот хороший человек — «училка» Нонна Юрьевна, необыкновенно счастливая в браке с другим хорошим человеком — лесничим Чуваловым. Здесь чувство меры изменило писателю — досадный диссонанс, особенно режущий слух после сильного описания смерти Егора Полушкина.

* * *

Гибнет Егор Полушкин, как и пять девушек-зенитчиц, и легендарный защитник Брестской крепости Николай Плужников, и лейтенант милиции Ковалев. Гибнут на войне и в мирное время. Мало кто из героев Васильева умирает в своей постели. Смерть наступает их на посту — будь то дело защиты Родины или будничная служба милиционера и лесничего. Объяснять такое пристрастие Васильева к трагическим развязкам «жестокостью» таланта писателя было бы в высшей степени несправедливо. Но он действительно не щадит чувств читателя и иронизирует в рассказе «Старая „Олимпия"» над «оптимистическим» и «жизнеутверждающим» финалом («как и положено в кино») фильма по сценарию «мистера Тутса». На экране — счастье и благополучие, а в зале — одинокая, плачущая, оскорбленная «Тутсом» женщина. Обвинительный вердикт фальшивому и лживому искусству.

Такое «творчество» глубоко враждебно Васильеву. Более того — оно античеловечно, в какие бы ни рядилось конъюнктурно оптимистические одежды. Профессиональный и человеческий долг повелевает Васильеву

оставаться верным суровой прозе жизни, правде, сколь бы ни была она трагична.

Васильев воспел в романе «В списках не значился» легендарный подвиг защитников Брестской крепости, которую так и не удалось взять: *«Она просто истекла кровью...»* Этот роман — патетическая симфония, резко выделяющаяся в будничной, бытовой военной прозе Васильева. Чаще всего писатель обращается к «другой» войне, к нелегальным событиям, рисуя незаметный, повседневный труд тех, кто не был на передовой, и мало что понимал в военной «стратегии». Но без труда которых не обойтись на войне.

О скромных труженицах войны, бойцах банно-прачечного отряда — сильный, впечатляющий рассказ писателя «Ветеран». Алевтина Ивановна Коникина, героиня рассказа, читает мемуары и не находит в них «своей» войны, в которой не было ни побед, ни поражений, а только один бесконечный тяжелый труд с рассвета и до темна и жуткие обыденностью впечатления, сложившиеся в ее памяти в образ войны, в яркую и страшную картину. *«Алевтина Ивановна вспомнила усталость, от которой тошнило во сне, вшей на мертвых и на живых, тяжкий запах переполненных братских могил, вспомнила обугленных танкистов в сгоревших танках, двадцатилетних лейтенантов с седыми прядями в аккуратных прическах, надсадный вой пикирующих бомбардировщиков и искалеченные молодые тела — мужские и женские. Изодранные осколками, пробитые пулями, изрезанные кинжалами. И еще — своего «командующего» — сорокалетнего техника-лейтенанта с дергающейся головой и дрожащими, как у старика, руками».* Война без прикрас и легенд. Вечное напоминание о том, какой ценой далась победа, о всенародном подвиге, о войне, в которой не было передовых и тыла. Не было и «негероических должностей».

С чувством боли и сострадания пишет Б. Васильев о женщинах на войне, их загубленной или опаленной юности. Все они по-особому дороги писателю: Лиза Бричкина, Женька Комелькова, Рита Осянина, Соня Гурвич, Галка Четвертак («А зори здесь тихие...»), Мирра («В списках не значился»), героини повести «Встречный бой», рассказов «Пятница», «Старая „Олимпия"», «Ветеран». Рассказать о них, дочерях, сестрах, невестах войны, для писателя Васильева — исполнить священный долг. Вопрос совести, а значит, и жизни.

В одном литературном диалоге Васильев сказал, что задачу искусства он *«видит в стремлении помочь человеку жить, а не устрашать его или будить в нем какие-то низменные инстинкты».* Искусство, по глубокому убеждению, писателя, *«должно делать добро», «оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять»* [1] Собственно, таков девиз Васильева-художника и нравственно-психологический фундамент его творчества. И в этом, на наш взгляд, разгадка популярности и широкой читательской среде доброго искусства Бориса Васильева.

[1] «Литературная газета», 1970, 17 ноября. Диалог Б. Васильева и М. Ульянова.